

Татьяна ПЕТРОВА

Беседа на фестивале

Как молитва о спасении

Сов. Россия - 1992 - 6 нояб.

Ой не время нынче спать,

православные!

Белый голубь пал в бою с черным

коршуном...

ЕДВА прозвучат первые аккорды этой удивительной песни в исполнении Татьяны Петровой, и человек внутренне собирается, чувствует, как бежит мороз по коже и остается он один на один со своей душой о поруганной Родине. А чистый женский голос рвется ввысь, словно белый голубь, узнавший о беде, — предупредить, собрать силы народные. Словно Ярославна в набатные дни земли русской, выходит Татьяна Петрова к людям, и народная молва из уст в уста передает слова благодарности Богу за это чисто русское, в своей верности и преданности, неподкупное и искреннее явление — надежда на нашу землю свершается. Так бывает всегда, когда поет Татьяна Петрова. Мы беседуем с ней в Омске, где только что прозвучал ее голос на Всероссийском фестивале русской культуры. Разные были люди в зале. Но пела Татьяна Петрова, и по щекам людей текли слезы очищения, рождалась в сердце готовность встать стеной за родную землю.

— Как Вы относитесь к своему участию в этом фестивале?

— У меня все время наворачиваются на глаза слезы волнения — столько здесь родных по духу людей. Это дает силы. Спасибо Шахматову за то, что здесь собрались такие исполнители. Я очень рада, что встретила Надю Бурлакову из Вологды, удивительный в своей цельности и искренности талант, сила которого в прозорливости. Я верю, что в возрождении России, на пороге которого мы находимся, решающую роль сыграют женщины — они очень много могут сделать в решительную минуту. А какое крепкое духовное здоровье исходит от Кубанского народного хора, навеянное и нашими просторами, и нашей верой, и веками копившейся силой народной.

— Да, главное настроение Омского фестиваля духовное. Чем Вы объясняете это? Не было здесь ни нитя, не давила тоска, хотя Россия переживает тяжелые времена и участники фестиваля хорошо это осознают?

— Уныние не характерно для русского человека. Ведь в любой ситуации он старается найти что-то светлое, старается себя поднять. Сколько нас уничтожали! А Россия жива...

— Свою гражданскую позицию Вы проявили определенно и очень давно, встав в ряды тех, кто понимает, что только в активной борьбе за честь и достоинство Родины ее спасение. Как Вы объясняете это?

— Мне близка и понятна боль за Россию. Я родилась на Урале, в деревне. Пою с пятнадцати лет. Сначала в Уральском хоре, потом в фольклорном ансамбле Покровского. Моя профессиональная деятельность в этом году завершила двадцатый год своей жизни. А о поре работы в фольклорном ансамбле до сих пор вспоминаю как о поре золотой — работала самозабвенно, ездили по деревням, собирали жемчуг народной песни, и все, что имели, отдавали в общий котел. Я вспоминаю об этом времени с благоговением. Сейчас я окончила аспирантуру Гнесинского института и уже три года преподаю там.

— А Ваша сценическая деятельность. Чем объясняет-

ся своеобразис Вашего исполнительского стиля?

— Думаю, что ответ на этот вопрос в свое время дала моя бабушка. Она часто мне говорила в детстве: «Танюшка, сведумная ты у меня». Я все делаю, исходя из того, как понимаю жизнь. Отсюда и сведумность. Умом осознаю, что где-то ухожу от традиционной исполнительской манеры, господствующей на нашей сцене долгие годы. Я иду от сердца. Посмотрите, что делают с Россией — раздирают ее на части, просто добивают. И все норовят душу надломить. А ведь у нас испокон веков на первом месте был дух. Русский человек любое дело начинает с мечтаний, грез, молитвы. Да и в радость мы впадаем порой лишь оттого, что есть она на земле, радость. А к страданию тянемся душой, потому что в нем человек познает себя больше, чем в радости. Все мы разные. непохожие — посмотрите здесь, хотя бы, на фестивале, как в одежде,

так и в песнях. И все это русские, и на первом месте у всех — дух. Да и беды-то наши во многом от того, что мировой экономический недруг испугался силы этого духа и решил с ним расправиться. Вспомните, как об этом точно сказано в русских сказках.

— Значит, Вы думаете, что экономическая агрессия, которая идет на нашу землю, так смела оттого, что не понимает, что сложить русский дух невозможно?

— Они вообще не понимают, с каким внутренним огнем имеют дело. Потому что русский человек без души жить не может, такое житие ему не нужно. — и поэтому встанет на свою защиту. Экономический диктат убивает душу.

— Откуда же все-таки черпает русский народ силу духа?

— В своей народной культуре и в православии. Даже здесь, на фестивале, при всем разнообразии самовыражения, посмотрите, как все сти-

ли соседствуют и дополняют друг друга. Россия широка и не может выразиться в чем-то одном. И тут, и там — все Россия. А какая грация самовыражения в тех же участниках Кубанского хора! Ведь истинное высокое искусство в том и состоит, когда многое высказывается немногим. А что сейчас на экранах? Дергание, разнузданность. Нет! Культура грации в русских от православия. Во всем есть мера, ощущение себя, своего достоинства. У нас в деревне говорили: страх Божий.

— Когда Вы поете песню «Православные», мне тоже кажется, что она звучит как молитва. Это так?

— Конечно. Мне в последнее время вообще не хочется петь ни веселого, ни задорного, а петь молитвы. Только огромное желание, чтобы люди уходили с концертов наполненными, приподнятыми, духовно обогащенными останавливает меня, я сдерживаю себя, чтобы не уходить в собственное состояние. А душа просит петь о душе.

— Люди считают, что Ваше пение — это выражение души народа, Вы несете его искренне, светлое слово, которое объединяет людей. Но когда Вы выходите на политические рубежи, отдаете ли Вы себе отчет в том, что тем самым подчеркиваете успех своей концертной деятельности, ведь он зачастую связан с словностями, которые диктуют власти придерживающиеся?

— Так вот моя артистическая судьба и не складывается. Практически четыре года у меня нет работы. От официальных государственных организаций — ни одного концерта. Режиссер Васильев снял очень подробный музыкальный фильм о моих работах «Портрет на черном фоне» — и люди плачут, когда смотрят его, а он лежит мертвым грузом, показ его блокируется. И живу я как исполнитель только благодаря признанию людей, которые меня приглашают на праздники, открытия музеев, закладывания храмов. Выступаю на

праздниках славянской письменности — это любимый мой праздник, да только и там все теперь неблагополучно — в последнем праздновании в Москве для меня места не нашлось — ни одного концерта. Праздник славянской письменности перешел в другие руки, и тем, кто был его вдохновителем, теперь не осталось в нем места. Почему меня не приглашают? Да потому, что, наверное, не устраиваю я тех, кто говорит: русский народ поет и пляшет, что ему еще надо. А объясняют это так: те, кто занимается современной музыкой, говорят: ну, Петрова, она в фольклор ушла. А фольклористы, наоборот, говорят: ну, Петрова, она от народа оторвалась. Хотя я пою все, но только пропускаю через себя. У меня репертуар очень обширный — от самых подлинных, исконных русских песен до романса на слова Цветаевой.

— Татьяна Юрьевна! Весь Ваш облик производит такое впечатление, что хочется думать — вы человек тихий, робкий, застенчивый, далеко не борец. Как же оказывается, что вы уже многие годы в самом пекле борьбы патристического движения. Ведь для этого нужно мужество?

— Потому, что я должна. — А что определяет это «должна»?

— Я сама. Ведь надо же в жизни сказать: да или нет. Нельзя же быть посерединке. — А почему нельзя?

— Потому, что я себя тогда и уважать не буду. А не буду себя уважать — и петь не смогу.

— Значит, Ваша гражданская позиция — это потребность души?

— Да... потребность. Ну а как же, если я несу русскую культуру, она же не может быть в отрыве от состояния народа. Как же я могу нести духовный образ народа и не понимать, кто я и что я? И когда я выхожу с русской песней, за мной стоит тысячелетняя русская культура и впереди меня должно быть еще больше.

— Понятно, что Ваша гражданская суть и творческая неразделима. И все же какая мечта живет в душе, что хотелось бы сделать еще в искусстве?

— Я очень хочу петь простые светлые песни про любовь. Поэтические циклы, монологи, Цветаеву. Она словно бы высказала мою душу: Ах, я счастлива!

Никогда заря не сгорала — чище.

Ах, я счастлива, Что, тебя дая, удаляюсь — нищей.

— А какой женский образ русской литературы для Вас наиболее дорог?

— Марина Цветаева. — Ну а если говорить о формировании Вашей души, кто из современных писателей Вам наиболее близок?

— Я очень люблю Платонова. Причем я не сразу его поняла, но ведь у него свое собственное понимание мира. Есть там много недосказанного, но многое читается между строк, и надо открывать каждый раз в себе тайну, чтобы его понять.

— Татьяна Юрьевна! А мужской идеал?

— Может быть, мой ответ покажется наивным, но мне очень нравится картина «Три богатыря». Она очень показательна для русской жизни. Может быть, я так говорю, что очень привыкла к ней — у нас в деревне в каждом доме висели ее репродукции. Вот и идеал. Все три — такие разные, сильные, никому не угрожают, но от них исходит покой и отсюда — в душе уверенность.

— Так, может быть, спит где-то Илья Муромец, который спасет нашу Родину?

— Конечно. Я верю в это. Не может быть иначе. Народ наш великий, доверчивый, судит по себе — потому и все верит, не может никак понять, что предан, потому что не может понять цинизма предательства. Отсюда и непонимание обстановки. Но народ умный. Отсюда и сила. И есть в нем три богатыря. Я верю.

Беседу вела Г. ОРЕХАНОВА.